

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫХОДА ГОСУДАРСТВ ИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

© 2018 г. А. Б. Мезяев

Университет управления “ТИСБИ”, Казань;
Казанский журнал международного права

E-mail: alexmezyaev@gmail.com

Поступила в редакцию: 06.04.2017 г.

В статье рассматриваются правовые проблемы выхода государств из Статута Международного уголовного суда. Как показала судебная практика Южной Африки, для принятия решения о выходе страны из международного договора необходимо участие парламента. При установлении объёма обязательств государства до вступления в силу решения о выходе следует исходить из ограничения этих обязательств принципом правовой определённости: государство не связано секретными решениями, о которых оно не знало в момент принятия решения, и только в отношении ситуаций, находящихся на стадии расследования или судебного производства. При установлении объёма обязательств государства после вступления в силу решения о выходе следует исходить из ограничения этих обязательств только в отношениях с другими государствами-участниками в соответствии с общими принципами международного права, закреплёнными в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Ключевые слова: Международный уголовный суд, выход из международного договора, Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., Южная Африка, Республика Бурунди, обязательства государств по договору, добросовестное толкование, соотношение международного и внутригосударственного права.

DOI: 10.31857/S013207690000793-4

В последнее время возникли серьёзные правовые проблемы, связанные с выходом государств из Статута Международного уголовного суда (МУС). На 1 марта 2017 г. участниками Статута МУС являлись 124 государства, и 15 государств данный договор подписали, но не ратифицировали. В течение одного месяца — в период с октября по ноябрь 2016 г. — три государства вышли из Статута МУС, и одно государство отозвало свою подпись под ним. Однако к марту 2017 г. два государства уже отзывали свои заявления о выходе. Рассмотрим подробнее данный процесс, его особенности и правовые последствия.

16 ноября 2016 г. Президент РФ подписал Распоряжение об отзыве подписи России под Статутом МУС¹, который был под-

писан от имени Российской Федерации 13 сентября 2000 г. по предложению МИД России². Однако Россия договора не ратифицировала и не являлась его участником. Решение России можно юридически квалифицировать как “уведомление о намерении не стать участником” договора (по тексту Распоряжения Президента РФ) или как “ясное выражение намерения не стать участником” договора (по тексту статьи 18 Венской конвенции о праве международных договоров).

участником Римского статута Международного уголовного суда”.

² Владимир Путин поручил Министерству иностранных дел подписать от имени России Римский статут Международного уголовного суда // Официальный сайт Президента РФ: <http://kremlin.ru/events/president/news/39258>

¹ Распоряжение Президента РФ от 16 ноября 2016 г. № 361-рп “О намерении Российской Федерации не стать

Что касается правовых последствий отзыва подписи России под Статутом МУС, то официальный представитель МИД России заявила: “Безусловно, у нас были определенные обязательства. Сейчас этих обязательств нет”. А на уточняющий вопрос ответила: “Римский Статут был подписан, он обязывал Российскую Федерацию к определенным взаимоотношениям с МУС. Мы эти взаимоотношения поддерживали и делали все, чтобы они были конструктивными”³. В Заявлении МИД России от 16 ноября 2016 г. было сказано следующее: “Принятое Российской Федерацией решение влечет правовые последствия, предусмотренные Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года”⁴. Полагая, что единственным обязательством, которое несла Россия в 2000–2016 гг., являлась обязанность “воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели”, установленная ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., регулирующей статус договора в период между его подписанием и ратификацией (либо до тех пор, пока она не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора). Данное замечание необходимо в связи с тем, что Международный уголовный суд достаточно активно требует от государств осуществлять с ним “сотрудничество”, не имея на то никаких правовых оснований. Так, в адрес России направлялись ордера на арест ряда обвиняемых (включая ливийского руководителя М. Каддафи) и некоторые другие “просьбы”. В этой связи следует отметить, что Россия не была обязанной выполнять какие-либо “просьбы о сотрудничестве”.

Если для России решающими факторами для принятия решения не стать участницей Статута МУС стала необъективность прокурора МУС по ситуациям, хотя и затрагивающим её интересы, но произошедшим за пределами территории Российской Федерации, то для правительств многих других стран эта необъективность и даже нарушения права были связаны с ситуациями в их собственных госу-

дарствах. Так, особую проблему деятельность Международного уголовного суда представляет для государств Африканского континента. Девять из десяти ситуаций, находящихся в настоящее время на рассмотрении МУС, — это ситуации в странах Африки. 100% обвиняемых МУС — африканцы. Несмотря на то что в средствах массовой информации недовольство стран Африки Международным уголовным судом чаще всего связывают именно с дискриминационной политикой прокурора, данный аргумент не является самым главным. Бесспорно, дискриминация в отборе дел для расследований имеет место. В то время, когда возбуждались дела о разграблении культурных ценностей (например, в Мали), полностью игнорировались массовые убийства в Ираке и в Афганистане. Но главное в том, что расследования и уголовные преследования Международного уголовного суда в тех или иных странах носили характер вмешательства во внутренние конфликты в поддержку одной из враждующих сторон. Такими сторонами являются как правительства (например, Уганда), так и повстанческие вооружённые группировки (например, в Нигерии или Мали). Несмотря на то что даже сам прокурор признаёт, что преступления в Республике Кот-д’Ивуар совершались обеими враждующими сторонами, преследованию подверглась лишь одна сторона конфликта. Не обращая внимания на то, что в Центрально-Африканской Республике (ЦАР) преступления совершались всеми воюющими группировками, руководство *ни одной из них* не стало объектом внимания прокурора МУС, но был арестован лишь бывший вице-президент Конго Ж.-П. Бемба, который по просьбе законного правительства ЦАР направил туда группу своих солдат. Однако преследование даже одной из сторон конфликта показывает, что вместо высших стандартов осуществления правосудия МУС демонстрирует крайне низкое качество, примеры нарушения норм права и даже использование незаконных методов. Так, например, самый первый свидетель на первом судебном процессе в МУС во время открытых слушаний признался, что давал ложные показания и что его научила этому прокуратура МУС, которая постоянно лишает защиту права на получение всех документов, используемых против обвиняемого, и скрывает источники своей информации не только от адвокатов, но даже от судей. Обвинение шести высших ру-

³ Брифинг официального представителя МИД России. М., 17 ноября 2016 г. // Официальный сайт МИД России: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2529854#32

⁴ Заявление МИД России. 16 ноября 2016 г. // Официальный сайт МИД России: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2523566

ководителей Кении закончилось прекращением процесса в связи с отсутствием доказательств. Подчеркнём — эти лица не были оправданы судом, но процесс в их отношении был прекращён в связи с тем, что против них просто не было свидетелей.

Такая практика Международного уголовного суда стала причиной решения Африканского Союза (АС) о коллективном выходе из состава участников Статута МУС. 30–31 января 2017 г. саммит глав государств и правительств АС принял документ под названием “Стратегия выхода из Международного уголовного суда”. В документе отмечается, что, хотя юридически страны — члены Статута МУС могут выйти из договора только индивидуально, тем не менее, данный процесс должен быть скоординированным и коллективным. Несмотря на то что “Стратегия выхода из Международного уголовного суда” была окончательно принята лишь в начале 2017 г., её разработка продолжалась в течение последних лет, и первые государства вышли из состава МУС уже в конце 2016 г. 19 октября из Статута МУС вышла Южная Африка, 27 октября 2016 г. — Республика Бурунди и 10 ноября 2016 г. — Исламская Республика Гамбия. Однако данная “первая волна” коллективного выхода выявила ряд серьёзных правовых проблем, которые уже привели к отзыву двумя государствами своих заявлений о выходе. Рассмотрим эти проблемы подробнее.

По общему правилу прекращение или выход из договоров регулируются Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г. (ВКМД). Статья 54 ВКМД предусматривает, что прекращение договора или выход из него участника могут иметь место в соответствии с положениями договора или в любое время с согласия всех участников по консультации с прочими договаривающимися государствами.

Статут Международного уголовного суда (ст. 127) предусматривает следующий порядок выхода. Любое государство-участник может выйти из Статута, направив Генеральному секретарю ООН соответствующее письменное уведомление. Выход вступает в силу через год после даты получения такого уведомления, если в последнем не указывается более поздний срок.

1. Проблема законности (правомерности) выхода государства из договора

Данная проблема имеет два измерения: международно-правовое и национально-правовое. С точки зрения *международного*

права при представлении документа о выходе государства из международного договора существует лишь одно правило, выполнение которого обеспечивает правомерность данного акта, — это подпись уполномоченного лица. Документ должен быть подписан либо главой государства или правительства, либо министром иностранных дел (ст. 67 ВКМД). Если такой документ не имеет соответствующей подписи, представителю государства, передающего такой документ, может быть предложено предъявить полномочия⁵. Правила, касающиеся доказательств наличия полномочий, аналогичны тем, которые применяются к полномочиям, выдаваемым для заключения договора⁶.

С точки зрения *национального права* ситуация более сложная и может быть оценена только в каждом конкретном случае с учётом законодательства соответствующего государства. Так, например, согласно Конституции **Бурунди** международные договоры подписывает и ратифицирует Президент республики (ст. 289). В то же время ст. 290 Конституции устанавливает, что ряд договоров (в частности, договоры, касающиеся международных организаций) может быть ратифицирован только посредством принятия закона. Статут МУС очевидным образом является договором, “касающимся международной организации”, и потому парламент Республики Бурунди сначала ратифицировал Статут МУС (в 1998 г.), а затем принял Закон о выходе из него (18 октября 2016 г.)⁷. Правительство страны направило уведомление о выходе из Статута МУС 27 октября 2016 г.⁸.

Несколько иную процедуру выхода избрало правительство Южной Африки, в результате чего возникли серьёзные осложнения. 19 октября 2016 г. правительство уведомило депозитария Статута МУС о том, что ЮАР выходит из Статута Международного уголовного

⁵ См.: Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 2. М., 2006. С. 248.

⁶ См.: Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. М., 1997. С. 185.

⁷ См.: Официальный сайт парламента Республики Бурунди: URL: <http://assemblee.bi/IMG/pdf/-Loi%20%20du%2018%20oct%20%202016.pdf>

⁸ См.: Rome Statute of the International Criminal Court Rome, 17 July 1998. Burundi: Withdrawal // <http://treaties.un.org/doc/Publication/CN/2016/CN.805.2016-Eng.pdf>

суда⁹. Решение было принято правительством без одобрения данного решения со стороны парламента. Высокий Суд ЮАР¹⁰ постановил, что выход страны из Статута МУС без предварительного одобрения решения парламентом является неконституционным и не имеющим юридической силы. Правительство страны было вынуждено отозвать своё уведомление о выходе Южной Африки из договора.

Данное решение Высокого суда представляет собой значительный интерес. Проблема субъекта принятия решения о выходе Южной Африки из Статута МУС возникла в связи с отсутствием правового регулирования данного вопроса в законодательстве ЮАР. Специальный закон, регулирующий международные договоры в ЮАР, отсутствует, а Конституция установила лишь субъекта ратификации (парламент). Данная ситуация позволила Суду даже выдвинуть идею о том, что отсутствие упоминания субъекта денонсации следует рассматривать не как пробел в праве, но как запрещение денонсации. Столь необычный вывод, тем не менее, не получил дальнейшего развития, и Суд принял решение о том, что выход из договора всё-таки возможен, но субъектом принятия этого решения является парламент. Логика Суда заключалась в формуле «Кто принимает решение о “входе”, тот должен решать вопрос о “выходе”»¹¹. Сама по себе такая логика не выглядит достаточно убедительной, однако она была продиктована особенностью правовой системы страны. Дело в том, что правовая система Южной Африки принадлежит к так называемой “Вестминстерской модели”, которая характеризуется тем, что в целях реализации международных договорных обязательств в национальной правовой системе требуется издание законодательных актов, имеющих материальный ха-

рактер¹², т.е. воспроизводящих содержание международного договора¹³. Отсюда — особенность вопроса: возможен ли выход из международного договора без предварительной отмены тех законов, которые были приняты при доместикации соответствующего договора? Суд постановил, что если Конституция предоставляет какому-либо органу право на принятие определённого решения, то это с необходимостью предполагает, что право отменить это решение имеет тот же самый орган. Полагаем, что данное утверждение не может быть принято в качестве аксиомы. Можно привести примеры, когда обладание полномочием сделать что-либо не обязательно корреспондируется аналогичным полномочием отменить сделанное. Так, например, по законодательству многих государств глава государства может предоставить гражданство, но не обладает полномочием лишать гражданства. В этой связи Суд, хотя и постановил, но не доказал, что правительство действовало в противоречии с Конституцией. Позиция правительства заключалась в том, что вопрос, быть ли государству участником того или иного международного договора, решает исполнительная власть, и именно она должна решать вопрос и о прекращении такого участия. В целом, хотя Суд отклонил этот аргумент, он не смог опровергнуть его достаточно убедительно.

В решении Высокого суда ЮАР имеются и более серьёзные дефекты. Так, Суд заявил, что решение правительства не арестовывать главу государства, в отношении которого имеется ордер на арест МУС, противоречит внутреннему законодательству ЮАР — Закону об имплементации Статута МУС, ибо, по мнению Суда, данный Закон предписывает такой арест в соответствии со Статутом МУС. Здесь Суд допускает серьёзную ошибку толкования ст. 27 Статута МУС “Недопустимость ссылки на должностное положение”. Данная статья устанавливает следующее: “Настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам, без какого бы то ни было различия на основе

⁹ См.: Rome Statute of the International Criminal Court Rome, 17 July 1998. South Africa: Withdrawal // <http://treaties.un.org/doc/Publication/CN/2016/CN.786.2016-Eng.pdf>

¹⁰ Точнее — Высокий суд Северного Хаутенга (High Court of the North Gauteng). (Хаутенг — провинция Южной Африки, на территории которой находится правительство страны).

¹¹ High Court of South Africa (Gauteng Division, Pretoria). Case No: 83145/2016. In the Matter Between Democratic Alliance Against Minister of International Relations and Cooperation and others. 22 February 2017 // <http://www.saflii.org/za/cases/ZAGPPHC/2017-53.pdf>

¹² Это замечание важно в связи с тем, что имеется другая группа государств, в которых данная задача решается с помощью формальной (процедурной) инкорпорации (Германия, Австрия, Италия, Греция, Финляндия, Япония и др.).

¹³ См.: *Осминин Б.И.* Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М., 2006. С. 3.

должностного положения. В частности, должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту и не является само по себе основанием для смягчения приговора. Иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица”.

Однако данная статья не лишает иммунитета высших должностных лиц зарубежных государств. Она лишь не признаёт ссылку на иммунитет в качестве защиты в отношениях между обвиняемым и самим МУС. Простое грамматическое толкование и структурно-логический анализ данной нормы показывают, что отношения, регулируемые данной статьёй, возникают между физическим лицом и самим судом, но не распространяются на государства. И нет никаких оснований утверждать, что данная статья должна толковаться расширительно и распространяться на отношения других субъектов. Основным правилом толкования является правило добросовестности, с одной стороны, и следование точному смыслу при ясности формулировки — с другой. Все толкования, тем более расширительного характера, возможны лишь при условии неясности формулировки. *In claris non fit interpretatio*. Таким образом, утверждение о том, что ст. 27 Статута МУС отменяет иммунитет глав государств, является ошибочным.

Если даже применять толкование в данном ясном случае, то всё равно при применении добросовестного подхода придётся сделать вывод о том, что ст. 27 Статута МУС иммунитета глав государств не отменяет. Применим гармоничный подход к толкованию права, исходя из которого обязательства государств по одному договору не должны противоречить обязательствам по другому договору, а если возможно их гармонизировать, именно такой подход и должен быть применён. Государства обязаны уважать иммунитет действующих глав государств и правительств по целому ряду договоров и в соответствии с обычным международным правом. И гармоничное применение этой нормы в системе Статута МУС

возможно, если не забывать: ст. 27 Статута МУС не регулирует отношения, субъектом которых являются государства.

Возможно выдвижение аргумента о том, что, утверждая об обязанности властей ЮАР арестовывать глав государств, в отношении которых имеется ордер на арест МУС, Высокий Суд ЮАР имел в виду не ст. 27 Статута МУС, а положения ст. 4 гл. II Закона ЮАР об имплементации Статута МУС. Однако и такое понимание не обеспечивает доказательства. Во-первых, все положения данного Закона являются имплементацией Статута МУС, в котором, как мы выяснили, иммунитет глав государств не отменяется, а значит, и такая отмена не может “переноситься” в правовую систему страны. Если же всё-таки предположить, что имплементационный акт может устанавливать в национальном законодательстве и иные правила, которые не содержатся в имплементируемом акте, то здесь нам придётся внимательнее проанализировать ст. 4 данного Закона. Статья 4 гласит, что лицо не может ссылаться на своё положение в качестве главы государства или правительства как на защиту или основание для смягчения наказания. И вновь мы видим, что речь идёт не об отмене иммунитета глав государств, а о запрещении ссылки на своё должностное положение как на защиту в суде или как на основание для смягчения наказания. Однако это положение содержится в главе, регулирующей юрисдикцию судов ЮАР, т.е. данная норма вновь регулирует отношения только между обвиняемым и судом, но не связывает исполнительную власть. Следовательно, *per se* ст. 4(2) Закона ЮАР не снимает с главы государства иммунитета.

Возможным аргументом против такого понимания может являться попытка телеологического толкования соответствующих статей Закона ЮАР и Статута МУС. Логика такого толкования заключается в постановке следующего вопроса: какова же тогда цель включения соответствующих положений в Статут МУС и в Закон ЮАР (если исходить из принятого нами рабочего постулата о том, что акт об имплементации может, в том числе по ошибке, включать в себя положения, которые не содержит имплементируемый акт)? Не является ли абсурдным утверждать, что невозможность ссылаться на своё официальное положение перед судом не влечёт за собой обязанности исполнительной власти арестовать

такое лицо и доставить в суд? Полагаем, что никакого абсурдного результата здесь нет. Главы государств и правительств могут быть гражданами как соответствующего государства, так и иностранных государств. Статья 4(2) безо всякого ущерба может быть гармонично истолкована как относящаяся к официальным лицам, являющимся гражданами ЮАР. Добросовестное толкование не позволяет нам заменять одни юридические термины на другие. Если бы государства действительно хотели отменить иммунитет глав государств и правительств, то они сделали бы это в прямых и чётких формулировках, не оставляющих сомнения в том, что иммунитета у определённых лиц больше нет. Таковы, например, формулировки Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. В ст. 32 данной Конвенции говорится: “От иммунитета от юрисдикции дипломатических агентов и лиц... может отказаться аккредитуемое государство. Отказ должен быть всегда определён выражением”. Как видим, прекращение иммунитета должно быть *определённо выраженным*, как и правовые формулировки, регулирующие такое прекращение. Ничего подобного не наблюдается ни в ст. 27 Статута МУС, ни в ст. 4(2) Закона ЮАР. Положения данных правовых актов следует понимать дословно — как регулирующие отношения между обвиняемым и судом по двум вопросам: ссылки на официальное положение как на способ защиты и возможности смягчения наказания по этому же основанию.

Примером гармоничного толкования применения ст. 27 Статута МУС является положение Президента Кении У. Кениатты, который добровольно прибыл в Международный уголовный суд для участия в судебных заседаниях и не ссылаясь на своё официальное положение в качестве защиты. Таким же примером в рамках ст. 4(2) Закона ЮАР может быть запрещение судам ЮАР рассматривать, например, официальное положение бывшего президента Ф. Де Клерка как основание для смягчения наказания.

Статья 4 Закона ЮАР имеет, впрочем, важное дополнение, а именно: указание на то, что данная норма “применяется независимо от любых иных законов, включая обычное или договорное международное право”. Казалось бы, это уточнение как раз и говорит об иммунитете зарубежных глав государств. Однако более внимательное прочте-

ние приводит к другому выводу. Речь идёт о “положениях международного права”, которые могут “устанавливать иное”. Имеется немало случаев, когда определённые должностные лица, будучи гражданами своих государств, обладают иммунитетом по международному праву. К таковым относятся, например, сотрудники ООН. Примером лица, подпадающего под данное уточнение ст. 2 Закона ЮАР, является судья Международного трибунала по бывшей Югославии Б. Молото. Если суды ЮАР захотят арестовать его в соответствии с положениями Закона об имплементации Статута МУС, то он не сможет использовать ссылку на своё положение должностного лица международного органа. Как видим, гармоничное толкование возможно во всех случаях, а значит, именно оно и должно быть применено. В то же время утверждение о том, что лишаются иммунитета главы зарубежных государств, прямо противоречит обычному международному праву, не подтверждается практикой, не является прямо и недвусмысленно выраженным, не может быть истолковано гармонично, а потому должно быть отвергнуто.

Высокий Суд постановил, что процедура выхода из международного договора была нарушена, поэтому решение правительства выйти из состава участников Статута МУС является “неконституционным и не имеющим юридической силы”. Суд предписал президенту и министру иностранных дел отозвать соответствующее заявление, направленное депозитарию Статута МУС. Данное предписание было выполнено 7 марта 2017 г.¹⁴ В то же время правительство подтвердило свою решимость выйти из состава участников данного договора, обеспечив участие в принятии данного решения парламента страны.

2. Правовые последствия выхода государств из Статута МУС

§ 2 ст. 127 Статута МУС устанавливает, что “выход из Статута не освобождает государство от выполнения обязательств, вытекающих из Статута, которые возникли в период участия этого государства в Статуте, включая любые

¹⁴ См.: Rome Statute of the International Criminal Court. Rome, 17 July 1998. South Africa: Withdrawal of Notification of Withdrawal. Reference: C.N.121.2017. TREATIES-XVIII.10 (Depositary Notification) // <http://treaties.un.org/doc/publication/CN/2017/CN.121.2017-Eng.pdf>

финансовые обязательства, объем которых может возрасти. Он также не влияет на осуществление сотрудничества с Судом в проведении уголовных расследований и разбирательств, применительно к которым выходящее государство было обязано сотрудничать и которые были начаты до даты вступления выхода в силу, а также никоим образом не наносит ущерба продолжающемуся рассмотрению любого вопроса, который находился на рассмотрении Суда до даты вступления выхода в силу”.

В этой связи возникает вопрос о разграничении правовых последствий для выходящего государства в годичный период до вступления в силу его решения о выходе из Статута МУС и после такого вступления в силу.

а) Обязательства государства в период годичного вступления в силу выхода государства из Статута МУС.

Статья 127 Статута МУС сформулирована таким образом, что можно сделать вывод: в течение годичного срока до вступления в силу решения о выходе государство продолжает быть связанным всеми положениями Статута в полной мере. Полагаем, что это верно лишь с некоторыми оговорками.

Как правило, в научной литературе ст. 127 Статута МУС рассматривается как гарантия обеспечения тех расследований или судебных процессов, которые уже проводятся к моменту принятия государством своего решения. Однако практически никогда не ставился вопрос об обеспечении прав государства. Дело в том, что в данный годичный период Международный уголовный суд (в том числе в лице отдельных его органов, таких как секретариат или прокуратура) может принять самые серьёзные решения, которые коренным образом изменят положение государства. Например, может быть начато предварительное изучение ситуации, официальное расследование, издан ордер на арест граждан данного государства, включая главу государства и других высших должностных лиц, и т.д. Если признать, что такого рода решения также обязательны для государства, принявшего решение о выходе из договора, то такой подход поставил бы государство в положение полной правовой неопределённости. Таким образом, возможна ситуация, когда государство окажется юридически обязанным выполнять те обязательства, о которых оно не знало не только на момент принятия решения о выходе из договора, но и на момент вступления этого решения в силу.

Положения Статута никак не регулируют данную ситуацию, хотя она прямо нарушила бы права государства на правовую определённость и добровольность взятых на себя обязательств. Возникновение новых обязательств коренным образом меняет положение государства и потому, полагаем, что в таком случае государство может аннулировать договор с немедленным эффектом и освобождением себя от всех обязательств. Таким образом, аннулирование “перекроет” выход государства из Статута МУС. При этом стоит отметить, что государства могут аннулировать договор и вместо выхода из него. Для некоторых государств это решение будет вполне обоснованно. Систематическое [внутреннее] толкование Статута МУС показывает, что, если текст Статута изменяется таким образом, что какое-либо государство не согласно с этим (ст. 121), оно может выйти из договора *немедленно*. Это ставит вопрос о праве государств, которые поставлены в аналогичное положение не другими государствами, а самим Судом, на немедленный выход из МУС или по крайней мере без каких-либо обязательств, которые могут возникнуть (а точнее, быть созданными самим Судом) до вступления решения о выходе в силу.

б) Обязательства государства после вступления в силу его решения о выходе из Статута МУС.

Согласно распространённому мнению государство после вступления в силу решения о выходе из Статута МУС продолжает нести *все* обязательства, которые возникли до вступления в силу данного решения. Прежде всего рассмотрим вопрос о том, *какие конкретно* “все” обязательства имеются в виду? В-первых, отметим, что к данной ситуации относится всё сказанное в отношении “переходного” периода вступления решения в силу. Во-вторых, обратим внимание на то, что ст. 127(2) говорит о том, что выход государства из договора не влияет на осуществление сотрудничества с Судом в отношении лишь уголовных *расследований* и *разбирательств*, применительно к которым выходящее государство было обязано сотрудничать и которые были начаты до даты вступления выхода в силу. Для более ясного понимания данных терминов следует обратиться к аутентичным текстам Статута МУС на разных языках. В английском тексте используются термины *investigations* и *proceedings*. Термин *proceedings* может вызывать некоторые сомнения в том,

не понимается ли под ним действительно *любой* вопрос, находящийся на рассмотрении Суда. Такое понимание могло бы иметь место, однако употребление термина *proceedings* вместе с термином *investigations* не оставляет места для такого понимания, так как в этом случае понятие *proceedings* поглощало бы понятие *investigations*. Французский текст также говорит в пользу такого толкования. Он использует выражение *le retrait n'affecte en rien la poursuite de l'examen des affaires que la Cour avait déjà commencé a examiner avant la date à laquelle il a pris effet*. Термин *affaire* имеет значение “дело”, а в юридическом лексиконе — “судебное дело” или “судебный процесс”. Следовательно, имеется в виду именно судебное¹⁵, а не любое производство. Итак, государства остаются связанными лишь в отношении расследований и судебных процессов, но не вообще любых вопросов, находящихся на рассмотрении Суда. Из этого списка ясно исключается стадия “предварительного изучения” ситуации (*preliminary examination* — ч. 6 ст. 21 Статута МУС). Данный вопрос имеет критически важное значение, например, для Республики Бурунди, которая вышла из Статута МУС в тот момент, когда ситуация в стране находилась на стадии предварительного изучения¹⁶.

Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. устанавливает общее правило о том, что если государство выходит из международного договора, то прекращение обязательств по договору в отношениях между этим государством и каждым из остальных участников наступает со дня вступления в силу денонсации/выхода из договора, если иное не предусматривается самим договором (ст. 70 ВКМД). Однако Статут МУС устанавливает, что обязательства государств продолжают существовать и после вступления в силу денонсации/выхода. С одной стороны, такой подход охватывается понятием “если иное не предусматривается самим договором”, с другой — Статут МУС содержит такие формулировки обязательств государств, которые выходят за рамки собственно текста договора. Данное положение нельзя сравнивать со схожими по формулировкам, но на самом деле

существенно отличающимися по содержанию положениями других международных договоров. Например, ст. 65 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ) устанавливает правило о том, что денонсация не освобождает государство от его обязательств в отношении противоправных и противоречащих ей актов, совершённых во время действия Конвенции. Однако особенностью ЕКПЧ является то, что государству — участнику Европейской конвенции по правам человека хорошо известны соответствующие факты и обязательства, в то время как государству — участнику Статута МУС такие обязательства могут быть либо неизвестны совсем, либо известны в самых расплывчатых формулировках. Более того, государство связывается даже теми обязательствами, о которых оно ещё может не знать на момент принятия решения о выходе.

Однако главное даже не в этом. Венская конвенция о праве международных договоров говорит о сохранении после выхода государства из договора обязательств в отношениях между этим государством *и другими государствами-участниками*! В этой связи утверждение о том, что после выхода государства из международного договора оно имеет какие-либо обязательства перед иными субъектами, в том числе перед Судом, не имеет правовых оснований.

Завершая анализ правовых проблем, связанных с выходом государств из состава участников Статута Международного уголовного суда, следует сделать следующие выводы.

1. При оценке международно-правовой правомерности выхода государств из состава участников Статута МУС применяется лишь ст. 67 Венской конвенции о праве международных договоров. Национально-правовая законность аналогичного решения зависит от правовой системы соответствующего государства. Как показала судебная практика Южной Африки, для принятия решения о выходе страны из международного договора необходимо участие парламента.

2. При уяснении объёма обязательств государства, вышедшего из Статута МУС, следует разделять период до вступления в силу решения о выходе и период после него.

При установлении объёма обязательств государства до вступления в силу решения о выходе следует исходить из ограничения этих обязательств принципом правовой определённости: государства

¹⁵ В широком смысле, как досудебное, собственно судебное и апелляционное производства по делу.

¹⁶ См.: Официальный сайт Международного уголовного суда: <http://www.icc-cpi.int/burundi>

не связаны секретными решениями, о которых они не знали в момент принятия решения, и только в отношении ситуаций, находящихся на стадии расследования или судебного производства.

При установлении объёма обязательств государства *после* вступления в силу решения о выходе следует исходить из ограничения этих обязательств только в отношениях с другими государствами-участниками в соответствии с общими принципами международного права, закреплёнными в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

3. Государства Африканского континента приняли политическое решение о коллективном выходе из Статута МУС. Данное решение не

изменяет процедуры, установленной ст. 127 Статута МУС, однако является выражением общей политики Африканского Союза как международной организации. Данное решение следует учитывать при оценке деятельности МУС как не получающей доверия со стороны большинства государств. Следует признать, что у государств имеются серьёзные правовые основания для выхода из Статута МУС, который, как верно отметил МИД России, “не оправдал возложенных на него надежд, не стал подлинно независимым, авторитетным органом международного правосудия”, а его деятельность характеризуется “неэффективностью и однобокостью”.

LEGAL PROBLEMS OF STATES' WITHDRAWAL FROM THE STATUTE OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT

© 2018 A. B. Mezyaev

*University of Management TISBI, Kazan;
Kazan journal of International Law and International Relations*

E-mail: alexmezyaev@gmail.com

Received: 06.04.2017

The article deals with the legal problems of the withdrawal of states from the Statute of the International Criminal Court. As the recent South Africa's jurisprudence has shown, the participation of the parliament is necessary to make a decision on the withdrawal of the country from an international treaty. In determining the extent of the state's obligations before the exit decision takes effect, one should proceed from the limitation of these obligations by the principle of legal certainty: states are not bound by secret decisions that they did not know about at the time of the decision and only with regard to situations at the investigation or trial stage. In determining the extent of the state's obligations after the exit decision takes effect, it is necessary to proceed from the limitation of these obligations only in relations with other State parties in accordance with the general principles of international law enshrined in the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties.

Key words: International Criminal Court, withdrawal from the International treaty, the Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969, South Africa, Republic of Burundi, obligations of States under the treaty, bona fide interpretation, correlation of International and domestic Law.